

существенных межрелигиозных конфликтов, необходимо применять соответствующие правовые регуляторы, в том числе запрещающие инструменты.

*Сергей Максимов,
доктор юридических наук (г. Харьков)*

ОТ ВЗАИМНЫХ ОБВИНЕНИЙ К ДИАЛОГУ

Вопрос о соотношении свободы слова и свободы религии может быть рассмотрен в рамках более широкой системы координат, т. е. как вопрос о соотношении универсальных, признанных мировым сообществом, прав человека, с одной стороны, и правом на культурную идентичность, одним из выражений которой будет идентичность религиозная – с другой. С позиций доминирующего либерального в своей основе мировоззрения вопрос о культурной и религиозной идентичности человека решается с позиций признания его одним из индивидуальных прав. Отсюда становится ясным, что никакие притязания на идентичность не могут нарушать право как законы данной страны и как права других людей, а в первую очередь, фундаментальное право на жизнь. Поэтому никакие насильственные, а тем более, террористические действия недопустимы по мотиву защиты религии (во всяком случае, в современном обществе). Принцип свободы слова производный по своим духовно-историческим истокам от принципа свободы совести, или свободы религии. Отрицая второй, мы не можем не прийти и к отрицанию первого.

Эта фундаментальная метафизическая проблема может быть рассмотрена и в ином, более конкретном и актуальном ключе: как вопрос о допустимости или недопустимости оскорбительных для чувств верующих высказываний в адрес исповедуемой ими религии или ее авторитетов. Здесь же мы сталкиваемся с различными представлениями о границах допустимого в выражении свободы слова применительно к оценке религиозных традиций.

С позиций логики правосознания невозможно оправдание ни оскорбительных слов или демонстративных действий по отношению к носителям иного религиозного мировоззрения, ни крайне-варварской, покушающиеся на человеческую жизнь, насильственной реакции на такие высказывания или действия. В то же время сугубо правовое решение данной проблемы оказывается невозможным. Религия – настолько «тонкое дело», что при решении связанных с нею вопросов нуждается в переплетении требований нравственности и права (я бы добавил, что подобная «чувствительность» присуща всем феноменам культуры). Таковым экзистенциальным воплощением единства нравственности и права является *правовая совесть*, как повседневная чуткость к несправедливости, способность реагировать на ущемления чужого права с той же непосредственностью и безотлагательностью, с какой люди обычно реагируют на чужую муку и боль¹. Конечно, императивы правовой совести относятся скорее к высшим проявлениям правового и морального сознания, однако без позитивной социальной оценки данного феномена и хотя бы минимального наличия данной способности у представителей различных позиций, реальный культурный диалог в современном мире будет невозможен. Перевод высоких, иногда трудновыполнимых требований справедливости и толерантности на язык экзистенциально-повседневных требований, таких как порядочность и такт может оказаться весьма действенным. Поэтому реальный путь решения обсуждаемой проблемы лежит в направлении снятия взаимных обвинений и в налаживании межкультурного диалога.

---

¹ См.: Соловйов Е. Гуманітарно-правова проблематика у філософській публіцистиці В. С. Соловйова // Філософія права і загальна теорія права. – 2014. – № 1-2. – С. 503.